

ПРИЗРАКИ РЯДОМ С НАМИ

Сьюзен
ХИЛЛ

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ

Великолепная история призрака... Мистично
и при этом возвышенно...Захватывающее чтение.

Evening Standard

Сьюзен Хилл
Женщина в черном
Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12627544

*С. Хилл. Женщина в черном: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-19326-0*

Аннотация

Гордо и одиноко возвышается над просторами соляных болот особняк Ил Марш. Артур Киппс, молодой лондонский адвокат, по поручению своей конторы выезжает на похороны последней хозяйки особняка и даже не подозревает, какие жуткие тайны могут скрываться за его темными окнами. Но когда на похоронах хозяйки он встречает странную молодую женщину, одетую во все черное, в его сердце закрадывается тревога. На вопросы Артура, кто эта таинственная особа, люди отвечают молчанием. Никто не хочет говорить о женщине в черном – или это страх вынуждает их запереть рот на замок?

В 2012 году британский режиссер Джеймс Уоткинс поставил по роману одноименный фильм, имевший большой успех. Главную роль в кинокартине сыграл Дэниел Рэдклифф, прославившийся исполнением роли Гарри Поттера в знаменитом киносериале по романам Джоан Роулинг.

Содержание

Сочельник	5
Лондонский туман	26
Путешествие на север	38
Похороны миссис Драблоу	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сьюзен Хилл

Женщина в черном

Susan Hill

The Woman in Black

© Susan Hill, 1983

© Н. К. Нестерова, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Пэт и Чарльзу Гарднер

Сочельник

Был сочельник, половина десятого вечера. Насладившись предпраздничной трапезой в атмосфере радости и веселья, я покинул столовую и направился через просторную прихожую дома поместья Монкс в гостиную, где у камина уже собралось все мое семейство. Внезапно я остановился и по старой привычке проследовал к парадной двери, распахнул ее и вышел.

Я всегда любил дышать вечерним воздухом: в разгар лета наполненным сладким цветочным благоуханием, осенью – едким от запаха костров и прелой листвы, зимой – морозным и колючим. Мне нравится, подняв голову, смотреть в небо, непроглядно-черное или освещенное луной и усеянное звездами, или заглядывать в темноту, окружающую меня со всех сторон. Я люблю слушать крики ночных животных, стон ветра, который то вдруг налетит, то внезапно стихнет, и стук дождя в ветвях фруктовых деревьев. Блаженно я подставляю лицо бодрящему воздуху, который приносится с пастбищ у реки и устремляется дальше – к вершине холма.

Вот и сегодня стоило мне лишь раз вдохнуть вечерний воздух, как на сердце у меня отлегло – я понял, что погода изменилась. Всю предшествующую неделю шел холодный проливной дождь, а дом наш и его окрестности окутал туман. Из окна не было видно ничего, кроме деревьев, рос-

ших неподалеку. Погода стояла наисквернейшая – сырость и мрак. Прогулки не приносили никакого удовольствия. Для охоты оказалась слишком плохая видимость, а собаки бегали перепачканные грязью и угрюмые. Весь день в доме горел свет, стены в кладовой, в подвале и во флигеле стали сырыми, осклизлыми и издавали кислый запах. Огонь в камине шипел, дымил и едва горел.

Вот уже многие годы погода оказывала огромное влияние на мое душевное состояние, и, должен признаться, если бы не всеобщая суматоха, если бы не атмосфера веселья, царившая во всем доме, я окончательно погрузился бы в уныние и состояние апатии, не смог бы наслаждаться жизнью, как мне того хотелось, и злился бы на свою чрезмерную восприимчивость. Но Эсми неприветливая погода лишь придала бодрости и сил, и наши приготовления к празднованию Рождества в этом году велись с особым рвением и размахом.

Я сделал пару шагов и вышел из тени дома, чтобы осмотреться по сторонам в свете луны. Особняк Монкс стоял на пологом холме, который поднимался на высоту четыреста футов над извилистой речушкой Ни, протекавшей с севера на юг в щедрой и плодородной части нашей страны. Внизу под нами лежали пастбища, чередовавшиеся с небольшими широколиственными лесами. Позади дома открывался совсем другой пейзаж, простиравшийся вдаль на несколько миль: колючий кустарник и поросшая вереском пустошь, дикий уголок посреди возделанных и ухоженных земель. Всего

в двух милях от нас находилась крупная деревня, а от большого торгового города нас отделяли семь миль, и все же нас окружала атмосфера уединения и отчужденности, и мы чувствовали себя отрезанными от цивилизации.

Впервые я увидел поместье Монкс однажды в разгар лета, когда мы вместе с мистером Бентли в двуколке проезжали мимо. Мистер Бентли в прошлом был моим патроном, но в последнее время я продвинулся по службе и стал полноправным партнером в адвокатской конторе, куда изначально поступил на должность младшего клерка и где прослужил всю свою жизнь. К тому времени мистер Бентли уже достиг возраста, когда возникает желание уйти на покой, поэтому потихоньку стал выпускать бразды правления из своих рук и передавать их мне. Однако не реже чем раз в неделю он продолжал посещать нашу контору в Лондоне и сохранил эту традицию, пока не скончался на восемьдесят втором году жизни. Деревенская жизнь сильно привлекала его. Он не питал страсти к охоте или рыбалке и поэтому полностью посвятил себя роли деревенского мирового судьи, церковного старосты, а также главы всевозможных приходских и административных советов, организаций и комитетов. Я испытал чувство облегчения и радости, когда он наконец взял меня в свои полноправные партнеры после стольких лет службы. И хотя я считал, что честно заработал это место своим усердием и обладал достаточной мерой ответственности, чтобы вместе с ним управлять делами фирмы, эта должность все

равно казалась мне чрезмерно высокой наградой.

И вот так случилось, что тем воскресным днем я сидел рядом с мистером Бентли, наслаждаясь видом утопавших в зелени и овечьих дремотой полей, которые простирались за пышными кустами боярышника, а лошадь легкой рысью везла нас к его огромному и нелепому дому. Я не привык просто сидеть и ничего не делать. В Лондоне почти вся моя жизнь была сконцентрирована на работе, не считая редких свободных минут, которые я проводил у себя в кабинете со своей коллекцией акварелей. Тогда мне было тридцать пять, последние двенадцать лет я жил вдовцом и не особенно любил светскую жизнь. Несмотря на то что я казался достаточно здоровым человеком, я был склонен к нервным расстройствам и недугам, возникшим вследствие переживаний, о которых мне еще предстоит рассказать. По правде говоря, стареть я начал раньше времени и выглядел угрюмым, бледным мужчиной с сосредоточенным лицом – что и говорить, я производил весьма скучное впечатление.

Когда я отметил прелесть и спокойствие дня, мистер Бентли посмотрел в мою сторону и сказал:

– Почему бы вам самому не подумать о том, чтобы обосноваться в этих местах? Купите себе маленький домик... может, где-нибудь там? – И он указал хлыстом в сторону маленькой деревушки, уютно расположившейся в излучине протекавшей под нами реки, белые стены домов которой согревало полуденное солнце. – По вечерам в пятницу будете

выбираться сюда из города, гулять, дышать свежим воздухом, питаться свежими сливками и яйцами.

Его предложение казалось заманчивым, но не настолько, чтобы увлечь меня, поэтому я лишь улыбнулся, вдохнул теплый запах травы и полевых цветов, посмотрел на пыль, поднимающуюся над дорогой из-под копыт лошади, и больше уже не думал об этом. Однако все изменилось в тот момент, когда дорога привела нас к длинному, на удивление пропорциональному каменному дому. Он стоял на возвышении, откуда видны были панорама речной долины и поля за ней, простиравшиеся до фиолетово-синих очертаний холмов на горизонте.

В этот момент меня внезапно охватило... даже не могу передать это словами... чувство, желание... нет, скорее, это была твердая уверенность, вдруг возникшая у меня в душе, настолько ясная и пугающая, что я невольно крикнул мистери Бентли придержать лошадь. Не успела двуколка остановиться, как я выскочил из нее на дорогу и забрался на поросший травой холмик. Сначала я поднял глаза и взглянул на дом – великолепный и прекрасно расположенный, весьма скромный по внешнему виду, но вместе с тем казавшийся незыблемой твердыней, словно крепость, а затем посмотрел на раскинувшуюся внизу долину. Нет, у меня не было ощущения, будто я уже когда-то бывал здесь, но появилась абсолютная уверенность в возникновении невидимой связи.

Сбоку от дома ручей стремительным потоком сбегал вниз

к лугу, а оттуда продолжал свое странствие к реке.

Мистер Бентли теперь с любопытством взирал на меня из своей двуколки.

– Отличное место! – крикнул он.

Я кивнул, но не смог выразить словами охватившие меня ощущения, поэтому отвернулся от него и стал взбираться вверх по холму, чтобы увидеть ворота, ведущие в огромный фруктовый сад, раскинувшийся позади дома, заросший высокой травой и постепенно превращающийся в непроходимые дебри. За садом я смог рассмотреть невозделанные равнинные земли. Чувство убежденности, которое я описал прежде, все еще не покидало меня, и помню, это даже встревожило, поскольку я не был человеком впечатлительным, не отличался буйной фантазией и уж точно не обладал даром провидения. На самом деле, после пережитых в молодости событий я старательно запрещал себе думать о любых потусторонних явлениях и полностью погрузился в прозаичный мир зримого и осязаемого.

И все же я никак не мог избавиться от веры... нет, скорее, даже убежденности, что однажды этот особняк станет моим домом. Рано или поздно, хотя не имел ни малейшего представления, когда именно это случится, я буду его владельцем. После того как я сформулировал эту мысль и воспринял ее, я испытал глубокое чувство умиротворения и удовлетворенности, которое не возникало у меня уже многие годы. С легким сердцем я вернулся к двуколке, где мистер Бентли

ожидал меня, поглядывая в мою сторону с нескрываемым любопытством.

Сильное потрясение, которое я испытал около поместья Монкс, еще долго не отпускало меня, даже после того, как я вернулся из деревни в Лондон, хотя в ту пору я уже реже думал об этом. Я попросил мистера Бентли непременно сообщить мне, если ему станет известно, что дом выставили на продажу.

Несколько лет спустя именно так он и поступил. В тот же день я связался с агентом в считанные часы и, не удосужившись даже съездить и еще раз взглянуть на дом, предложил свою цену; мое предложение было принято. Несколькими месяцами ранее я встретил Эсми Эйнли. Наши чувства друг к другу неуклонно росли, но моя проклятая нерешительность в отношении всего, что касалось сферы эмоций и личных отношений, мешала мне строить планы на будущее. Однако у меня хватило ума воспринять известие о продаже поместья Монкс как хорошее предзнаменование, и через месяц после того, как я стал владельцем дома, мы с Эсми совершили поездку за город. Там я попросил у нее руку и сердце посреди старого фруктового сада. Это предложение также было принято, вскоре мы поженились и переехали жить в поместье Монкс. В тот день я искренне поверил, будто наконец выбрался из мрачной тени прошлого, а по выражению лица мистера Бентли и теплому рукопожатию, которым он меня наградил, я понял, что и он в это поверил и тяжкий

груз упал с его плеч. Он винил себя во всем, по крайней мере в случившемся со мной, — ведь именно он послал меня в Кризин-Гиффорд, в особняк Ил Марш, на похороны миссис Драбллу.

Однако мои мысли были невероятно далеки от всего этого в тот сочельник, когда я стоял в дверях моего дома и вдыхал ночной воздух. Прошло четырнадцать лет с тех пор, как поместье Монкс стало для меня самым счастливым местом на свете, настоящим домом для нас с Эсми и ее четверых детей от первого брака с капитаном Эйнли. Сначала я приезжал сюда лишь на выходные и на праздники, но после покупки дома жизнь в Лондоне и работа стали все больше утомлять меня, и при первой же возможности я с удовольствием перебрался жить за город.

А теперь моя семья снова собралась в нашем любимом доме, чтобы вместе отпраздновать Рождество. Через минуту я открою дверь и услышу их голоса, доносящиеся из гостиной, если только моя супруга не позовет меня раньше и не начнет отчитывать за то, что я могу простудиться. И в самом деле, погода наконец-то выдалась на удивление ясной и холодной. Все небо оказалось усыпано звездами, а полную луну окружал морозный ореол. Сырость и туман, мучившие нас на прошлой неделе, растворились, как воры в ночи, тропинки и стены дома слабо поблескивали, а дыхание превращалось в пар. Наверху, в спальне под крышей, трое сыновей Изобель, внуки Эсми, спали, привязав к столбикам сво-

их кроватей носки. И пускай, проснувшись, они не увидят за окном снега, но по крайней мере рождественское утро будет ясным и радостным.

Той ночью в воздухе было что-то особенное, что воскрешало мои детские ощущения и, несмотря на мой преклонный возраст, наполняло грудь волнением. Вероятно, я заразился этим настроением от маленьких мальчиков. Я и представить себе не мог, что мои мысли будут настолько возбуждены и воспоминания, которые я считал давно умершими, воскреснут вновь. Мне казалось невероятным вновь очутиться во власти смертельного ужаса и душевного смятения, пускай даже причиной этому будут всего лишь яркие воспоминания и ночные кошмары.

Последний раз взглянув в морозный сумрак, я с удовлетворением вздохнул, позвал собаку и вошел в дом. Я думал лишь о трубке и стакане хорошего солодового виски, которыми смогу насладиться у потрескивающего камина в окружении моей семьи. Когда я пересек коридор и вошел в гостиную, мною тут же овладело ощущение благоденствия, не покидавшее меня все время, что я жил в поместье Монкс, чувство, которому вполне закономерно сопутствовало другое — сердечная благодарность. Я воздал хвалу Господу, когда увидел мою семью, уютно расположившуюся вокруг пылающего камина, где Оливер разжег необычайно яркое и опасно высокое пламя, положив в очаг большую ветку старой яблони, которую мы срубили в нашем саду еще осенью. Оливер был

самым старшим из сыновей Эсми и всегда отличался удивительным сходством и со своей сестрой Изобель (сидевшей рядом со своим мужем – бородатым Обри Пирсом), и с младшим братом Уиллом. У всех троих были приятные округлые и простые английские лица и светло-каштановые брови, ресницы и волосы – точно такие же, как у их матери, пока ее волосы не тронула седина.

В то время Изобель едва исполнилось двадцать четыре года, но она уже стала матерью троих сыновей и хотела еще иметь детей. В ней чувствовались какая-то особенная мягкость и спокойствие, присущие замужней женщине, она была привязана к матери и заботилась о своем муже и братьях как о собственных детях. Трудно, казалось, найти женщину более ответственную и благоразумную, нежную и любящую. В спокойном и уравновешенном Обри Пирсе она нашла идеального спутника жизни. И все же временами я замечал, что Эсми поглядывает на нее с тоской, она не раз делилась со мной, пусть и в очень деликатной манере, как ей хотелось бы, чтобы Изобель была не такой степенной, а чуть более веселой или даже легкомысленной.

Но, положив руку на сердце, я не разделял ее желания. Я надеялся, что наше тихое и спокойное море ничто не потревожит.

Оливер Эйнли, которому было тогда девятнадцать, и его брат Уилл – на четырнадцать месяцев моложе его, производили впечатление одинаково серьезных, угрюмых моло-

дых людей, однако в ту пору они еще не утратили мальчишеской жизнерадостности. Я считал, что Оливер вел себя слишком легкомысленно для юноши, который уже отучился первый год в Кембридже и которому, если он, конечно, готов был внять моим советам, была уготована юридическая карьера. Уилл лежал на животе перед камином, подперев руками подбородок, лицо его покраснелось. Оливер сидел рядом. Время от времени они начинали сучить своим длинными ногами, толкать и бить друг друга, сопровождая свои действия грубым гоготом, словно они снова были десятилетними мальчишками.

Младший сын Эсми, Эдмунд, по обыкновению, сидел в стороне от остальных. Он поступал так не из-за враждебности или замкнутого нрава, но от своей врожденной утонченности, сдержанности и страсти к уединению, что всегда отличало его от остальных членов семейства Эсми. Даже внешне он не был похож на них: бледный, длинноносый, с иссиня-черными волосами и голубыми глазами. В то время Эдмунду исполнилось пятнадцать. Я знал его давно, но понимал с большим трудом и всегда испытывал чувство неловкости в его присутствии, хотя по-своему любил, даже в какой-то степени сильнее, чем других детей.

Гостиная в особняке Монкс представляла собой длинную комнату с низким потолком и высокими окнами, расположенными друг против друга. Теперь шторы были плотно задернуты, но днем помещение прекрасно освещалось с севера

и юга. В тот вечер над камином висели фестоны и гирлянды из свежих хвойных ветвей, собранных днем Эсми и Изабель, в них вплели ягоды, золотые и алые ленты. В противоположном конце комнаты стояла рождественская ель со свечами и игрушками, а под ней – целая гора подарков. Были и цветы – белые хризантемы в вазах, а посреди комнаты на круглом столике сложенные пирамидкой лежали позолоченные фрукты и возвышалась чаша с апельсинами, посыпанными гвоздикой. Их пряный аромат наполнял комнату и смешивался с запахом хвои и дыма. Именно так и пахнет настоящее Рождество.

Я уселся в свое кресло, немного отодвинул его от огня и принялся чистить и раскуривать трубку. Когда же я наконец затанулся, то понял, что прервал задушевную беседу, которую Оливеру и Уиллу не терпелось продолжить.

– Итак, – сказал я, выпуская небольшое облачко табачного дыма, – что все это значит?

Последовала пауза. Эсми покачала головой и улыбнулась, склонившись над своей вышивкой.

– Подождите...

Оливер внезапно вскочил и начал быстро ходить по комнате, выключая каждую лампу, кроме лампочек на рождественской елке, стоявшей у противоположной стены. Когда он вернулся на место, камин остался единственным источником света, позволявшим нам разглядеть лица друг друга. Эсми недовольно заворчала, однако ей пришлось отложить

шитье.

– Вот теперь можно продолжать, – с довольным видом заявил Оливер.

– Какие же вы еще мальчишки...

– Ну, давай, Уилл. Ведь теперь твоя очередь?

– Нет, Эдмунда.

– Верно, – сказал самый младший из братьев Эйнли неестественно низким голосом. – Я мог бы рассказать вам такое!

– А свет обязательно было гасить? – поинтересовалась Изобель таким тоном, словно она разговаривала к маленьким мальчиком.

– Да, сестренка, обязательно. Мы должны создать особую атмосферу.

– Но не уверен, что у меня получится, – заключил Эдмунд.

Оливер глухо застонал:

– Так есть желающие продолжать или нет?

Эсми наклонилась ко мне:

– Они рассказывают истории о приведениях.

– Да! – воскликнул Уилл с радостью и волнением в голосе. – Самая лучшая рождественская традиция. К тому же очень древняя. Одинокий загородный дом, гости собираются в темной комнате, за окнами завывает ветер...

Оливер снова протяжно застонал.

В этот момент послышался флегматичный, добродушный голос Обри:

– Ну так приступайте скорее.

Только этого они и ждали: Оливер, Эдмунд и Уилл принялись наперебой рассказывать леденящие кровь истории, одна страшнее другой, сопровождая свои повествования театральными завываниями и нарочито страшными криками. Они изо всех сил старались превзойти друг друга в изобретательности, их истории были сущим нагромождением кошмаров. Молодые люди рассказывали о каменных стенах в заброшенных замках, из которых сочилась кровь, и об увитых плющом, освещенных лунным светом развалинах монастырей; о потайных комнатах и секретных подземных темницах; о сырых склепах и заросших бурьяном кладбищах; о скрипящих под ногами лестницах и невидимых пальцах, стучащих в окна; о завываниях и криках, стогах и лязганье цепей. Были там истории о затонувших кораблях и таинственных монахах в капюшонах, о безголовых всадниках, о клубящемся тумане и ураганах, о призраках-невидимках и привидениях, о вампирах и вурдалаках, о летучих мышах, крысах и пауках, о пропавших мужчинах, которых находили на рассвете, и о женщинах, чьи волосы внезапно становились белыми, о лунатиках, что бродят по ночам, об исчезнувших трупах и семейных проклятиях. Истории становились все более и более жуткими, безумными и глупыми, и вскоре их крики и вопли перешли в сдавленный смех, и все, даже тихая Изобель, стали придумывать свои ужасающие подробности.

Сначала я смотрел на них со снисхождением, меня это

даже забавляло. Но постепенно, сидя в комнате, освещенной лишь пламенем камина, и слушая их, я вдруг почувствовал себя каким-то отверженным, словно я стал чужаком в их кругу. Я попытался подавить растущее во мне чувство тревоги, сдержать внезапно хлынувший на меня поток воспоминаний.

Это было подобно спорту – веселая и безобидная игра, которой молодые люди развлекаются во время праздника, а также древняя традиция, как правильно заметил Уилл. В происхождении не оказалось ничего, вызывающего беспокойство, тревогу или неодобрение. Я не желал прослыть брюзгой, старым, нудным и лишенным воображения человеком, мне самому хотелось поучаствовать в этом действе, которое представлялось мне всего-навсего хорошей забавой. В моей душе разгорелась жестокая битва, я отвернулся от очага, чтобы никто не увидел выражения моего лица, поскольку знал, что на нем появились признаки смятения.

А потом, словно аккомпанируя пронзительному, как у банши¹, визгу Эдмунда, бревно в камине вспыхнуло и треснуло, взметнуло в воздух вихрь искр и пепла и вдруг погасло. Комната почти полностью погрузилась во мрак. Воцарилась тишина. Я вздрогнул. Мне хотелось встать и снова зажечь свет, увидеть посверкивание и блеск разноцветных рожде-

---

¹ Банши – персонаж ирландского фольклора, злой дух, являющийся в образе женщины, чьи пронзительные крики или плач возвещают о скором несчастье. – *Здесь и далее примеч. перев.*

ственных игрушек, чтобы пламя в очаге вновь весело запылало, я желал изгнать внезапно охвативший меня холодный озноб и страх, поселившийся в моей груди. Но я не мог пошевелиться, на мгновение меня словно парализовало, как всегда бывало в подобных случаях. Мною овладело давно забытое и вместе с тем такое знакомое чувство.

А потом Эдмунд сказал:

– Теперь ваша очередь, отчим.

И в тот же миг тишину разорвали настойчивые крики, и даже Эсми присоединилась к ним.

– Нет-нет. – Я старался, чтобы мой голос звучал весело. – Ничего не буду рассказывать.

– О Артур...

– Неужели вы не знаете ни одной истории о привидениях, отчим? Все знают хотя бы одну...

О да, да, я знал! Все это время, что я слушал их безумные, жуткие выдумки, их завывания и стоны, я думал об одном и смог ответить лишь следующее:

– Нет-нет, вы даже не имеете представления, о чем говорите. Все это вздор, фантазии, не более того. Все эти душевраздирающие, зловещие истории просто нелепы... и смешны. На самом деле все обстоит иначе и намного страшнее.

– Да ладно вам.

– Зачем портить всем настроение.

– Артур?

– Сделайте то, о чем вас просят. Не подведите нас!

Я встал, не в силах больше этого выносить.

— Боюсь, мне придется вас разочаровать, — проговорил я. — Но я не знаю ни одной истории, которую мог бы вам пове-
дать. — С этими словами я быстро покинул комнату, а потом
и дом.

Пятнадцать минут спустя я пришел в себя и понял, что
оказался среди зарослей фруктового сада. Я тяжело дышал,
а мое сердце бешено стучало. Все это время я находился
в состоянии крайнего возбуждения и теперь осознавал, что
необходимо успокоиться, поэтому сел на обломок старого,
покрытого мхом камня и начал медленно, равномерно ды-
шать. Я делал глубокий вдох, считал до десяти, а потом вы-
дыхал. И повторял это до тех пор, пока напряжение внутри
не стало ослабевать, пульс не выравнился, а мысли не упор-
ядочились. Через некоторое время ко мне вернулось ощу-
щение пространства: надо мной было чистое небо с яркими
звездами, воздух был холодным, под ногами хрустела покры-
тая инеем трава.

Я знал, что в доме у меня за спиной осталась моя семья.
Вероятно, сейчас они пребывали в состоянии страха и заме-
шательства, ибо они всегда видели во мне человека уравно-
вешенного, чьи эмоции было легко предугадать. Мои род-
ные, наверное, не могли уяснить, почему они вызвали у меня
столь явное неодобрение и спровоцировали мое резкое по-
ведение, рассказав несколько глупых историй. Я должен как
можно скорее вернуться к ним, исправить ситуацию, попы-

таться загладить свою вину и восстановить атмосферу радости. Но я понимал, что не смогу объясниться. Нет, я просто постараюсь держаться весело и непринужденно ради моей супруги, но не более того.

Они, наверное, упрекали меня в том, что я испортил им забаву, хотели, чтобы я рассказал им историю о привидениях, поскольку я, как и любой человек, должен знать подобные байки. Впрочем, я действительно знаю одну историю, правдивую историю, о призраках и злобе, о страхе и смятении, об ужасе и трагедии. Но это вовсе не то, о чем ради потехи рассказывают у камина в сочельник.

Сердцем я чувствовал: пережитое никогда не покинет меня, оно пронизывало все мое существо и было неотъемлемой частью моего прошлого, но я надеялся, что смогу заставить себя обо всем забыть и мне уже не придется воскрешать это в памяти от начала и до конца. Словно старая рана, оно время от времени напоминало о себе легкой болью, которая с годами слабела по мере того, как мое семейное счастье и душевное спокойствие укреплялись. В последнее время оно стало подобно легкой ряби на воде, всего лишь смутным отголоском воспоминаний.

Но сегодня былая трагедия снова заполнила мои мысли, вытеснив оттуда все остальное. Я знал, что мне никогда неведать покоя и я буду лежать без сна в холодном поту, заново воссоздавая то время, события, вспоминая те места. Так повторялось ночь за ночью долгие годы.

Я встал и снова принялся ходить по саду. Завтра Рождество. Неужели даже в этот благословенный день я не почувствую себя свободным? Неужели нет средства, подобно мази, облегчающей боль в ране, пусть и временно, которое сдержало бы воспоминания и то пагубное воздействие, которое они на меня оказывали? И вот пока я стоял среди посеребренных лунным светом фруктовых деревьев, меня вдруг осенило: чтобы избавиться от старого призрака, который неуклонно преследует меня, нужно изгнать его, как нечистого духа. Я должен изгнать своего призрака. Мне необходимо рассказать мою историю, но не вслух у камина, ибо это не забава для праздных слушателей, слишком уж она была мрачной и реальной. Я изложу ее тщательно и во всех подробностях на бумаге. Я решил, что напишу мою историю о привидениях. А потом, возможно, смогу наконец освободиться и спокойно прожить оставшийся мне срок.

В тот момент я подумал, что эту историю никто не должен прочитать. По крайней мере, пока я жив. Лишь меня преследовал призрак, только я пострадал от его деяний; я знал, существовали и другие, но рассудил, что никого из них в живых уже не осталось. Судя по охватившей меня в этот вечер тревоге, я все еще сильно переживал случившееся, и поэтому именно мне предстояло изгнать призрака.

Я поднял голову и посмотрел на луну и на Полярную звезду, сиявшую ослепительно-ярким светом. Сочельник. Потом я стал молиться, преисполненный глубокого чувства, я чи-

тал про себя простые слова молитвы и просил дать мне силы и стойкости, чтобы они не покинули меня, пока я не закончу самое мучительное дело в моей жизни. Я молил Господа благословить мою семью и подарить всем нам тихую ночь. Пускай я теперь и управлял своими чувствами, но по-прежнему страшился часов, которые мне предстояло провести наедине с тьмой.

Словно ответом на мою молитву стали давно забытые строки, которые вдруг всплыли в моей памяти. Позже я прочитал их вслух Эсми, и она тут же сказала, откуда они.

Еще толкуют, будто в ночь на праздник
Рождения Спасителя-Христа
Певец зари поет всю ночь до утра.
Тогда блуждать не смеют злые духи.
Безвредно звезд теченье, ночь чиста,
Бессильны чары ворожей и ведьм —
Так непорочно, свято это время².

Я процитировал эти строки вслух, и покой снизошел на мою душу, мне удалось восстановить внутреннее равновесие, но я по-прежнему был тверд в своем намерении. После праздников, когда члены моей семьи разъедутся и мы с Эсми останемся одни, я начну писать мою историю.

Я вернулся в дом. Изобель и Обри уже поднялись наверх, чтобы вместе совершить радостный ритуал – тайком про-

---

² У. Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 1. Перевод П. П. Гнедича.

красться в комнату своих сыновей и положить в их носки подарки. Эдмунд читал, а Оливер и Уилл ушли в свою старую игровую комнату, которая располагалась в противоположном конце дома, где стоял выдавший виды стол для бильярда. Эсми приводила в порядок гостиную и в скором времени собиралась отойти ко сну. О вечернем происшествии не было сказано ни слова, хотя на ее лице читалась тревога, и я сослался на внезапный приступ несварения, чтобы оправдать свое неожиданное поведение. Я позаботился об очаге, погасил огонь и вытряхнул трубку, постучав ею о край камина. Мною снова овладело чувство покоя и умиротворения, я больше не волновался и не боялся тех ужасов, которые мне приходилось переживать в одиночестве во сне или в пред-рассветные часы бодрствования.

Завтра Рождество, и я с радостью ожидал его. Это будет время семейного воссоединения и всеобщего праздника, время дружбы и любви, время радости и смеха.

А когда все закончится, я приступлю к работе.

Лондонский туман

Это случилось в понедельник после полудня. Стоял ноябрь. На улице уже начало темнеть, и не потому, что время было поздним (часы еще не пробили и трех), причина заключалась в тумане, невероятно густом лондонском тумане, который окутал нас всех еще на рассвете. Если в тот день вообще наступал рассвет – туман не позволял ни одному солнечному лучику проникнуть сквозь зловещий сумрак.

Туман был на улице: он висел над рекой, расползался по аллеям и переулкам, клубился густой дымкой между деревьями во всех парках и садах города; проникал он и в дома, подобно зловонному дыханию просачиваясь сквозь щели и трещины, закрадываясь через самые маленькие скважины в дверях. Это был желтый грязный туман, издававший отвратительный запах, он удушал и ослеплял, пачкал и пятнал. Мужчины и женщины, рискуя жизнью, вслепую брели по тротуарам, хватались за ограждения и друг за друга, в надежде найти опору или провожатого.

Звуки были приглушены, силуэты людей и очертания предметов размыты. Туман явился в город три дня назад и, судя по всему, не собирался уходить. Мне кажется, у всех подобных туманов есть общие черты: они таят в себе угрозу и нагоняют страх, скрывают от людей знакомый мир и сбивают их с толку, примерно так же запутывают водящего в жмур-

ках, когда завязывают ему глаза и начинают раскручивать.

По правде говоря, это был самый ужасный месяц в году, когда отвратительная погода, как никогда, способствовала упадку духа.

Теперь, оглядываясь назад, я мог бы с легкостью убедить себя, что в тот день испытывал дурное предчувствие относительно моего предстоящего путешествия, что некое шестое чувство – интуиция или телепатия, – о существовании которого большинство людей даже не догадываются и потому не используют его, взбудоражило меня и вызвало тревогу. Но тогда, в дни моей юности, я оставался довольно смелым и здравомыслящим молодым человеком, не подверженным мрачным предчувствиям и необъяснимой тревоге. Поэтому подавленное состояние, обычно несвойственное моей жизнерадостной натуре, было, как мне казалось, вызвано исключительно туманом, а в ноябре подобное мрачное настроение разделяет большинство лондонцев.

Насколько я помню, в тот момент я не испытывал никаких других чувств, кроме любопытства и профессионального интереса, основанного на тех скудных сведениях, которые предоставил мне мистер Бентли. К этому стоит добавить предвкушение легкого приключения, ведь я никогда не посещал столь отдаленную часть Англии, куда мне теперь надлежало отправиться, и довольно сильное облегчение из-за того, что мне предстояло покинуть нездоровый лондонский климат с его туманами и вечным сумраком. К тому же мне тогда

только исполнилось двадцать три года, и я еще не утратил своего юношеского интереса к вокзалам и путешествиям на поездах.

Но вот что особенно примечательно: тот день я запомнил в мельчайших подробностях, хотя со мной еще не случилось никаких злоключений и нервы мои были совершенно спокойны. Стоит мне закрыть глаза, и я представляю себе, как сижу в такси, пробирающемся сквозь туман в сторону вокзала Кингс-Кросс. Я даже чувствую запах сырой, холодной кожи в салоне и невыразимое зловоние тумана, который просачивался через окно, а в ушах вновь возникает это неприятное ощущение, словно их заткнули ватой.

Пока мы путешествовали по этим кругам ада, время от времени нам попадались пятна сернисто-желтого цвета, они вспыхивали на вывесках магазинов и в окнах наверху, вырывались из темных, как колодцы, подвалов, подобно адскому пламени; огненно-красные точки горели над палатками продавцов орехов на углах улиц. Здесь огромный, бурлящий котел с дегтем для починки дороги булькал и дымил зловещим красным дымом, а там фонарщик держал высоко над головой фонарь, который раскачивался и мигал.

На улице было шумно: тормоза визжали, машины гудели, слышались крики сотен водителей, ослепленных туманом и вынужденных замедлять движение. Когда я высунулся из окна такси и посмотрел в полумрак, все фигуры, на ощупь пробиравшиеся через мглу, показались мне призраками: их рты

были замотаны шарфами, а лица скрыты вуалями или платками, они стремились хоть немного обезопасить себя и держались поближе к источникам света, отчего лица приобретали зловещее выражение, а глаза – красноватый отблеск.

Почти пятьдесят минут ушло на милю, отделявшую парламент от вокзала. Естественно, была серьезная причина для столь медленного продвижения, а поскольку ничего невозможно было поделать, я откинулся на спинку сиденья и попытался утешить себя тем, что это была самая худшая часть путешествия, после чего стал вспоминать утренний разговор с мистером Бентли.

В то утро я добросовестно работал над скучным договором о передаче прав на аренду и на какое-то время даже забыл о тумане, который, словно мохнатый зверь, подобрался к окну у меня за спиной, когда клерк по фамилии Тоумс вошел и пригласил меня в кабинет мистера Бентли. Тоумс был маленьким человечком, худеньким, словно спичка, и бледным, как сальная свеча. Он постоянно простужался и непрерывно шмыгал носом, из-за чего его посадили в тесную камеру рядом с прихожей, где он велgrossбух и принимал посетителей с выражением такой скорби и муки на лице, что клиенты тут же начинали думать о завещании, независимо от того, по какому вопросу они явились к юристу.

Перед мистером Бентли как раз и лежало завещание, когда я вошел в его большой удобный кабинет с широким эркером, из которого в ясные дни открывался прекрасный вид

на Судебные инны³ и сады, где бывала добрая половина юристов Лондона.

– Садитесь, Артур, садитесь.

Мистер Бентли снял очки, энергично протер их и снова во-
друзил себе на нос, после чего с удовлетворенным видом от-
кинулся на спинку кресла. Мистер Бентли собирался расска-
зать историю, и он любил, когда его внимательно слушают.

– Полагаю, я еще не рассказывал вам об эксцентричной
миссис Драблоу?

Я покачал головой, понимая, что в любом случае это будет
интереснее, чем договор о передаче прав найма.

– Миссис Драблоу, – повторил он и, взяв в руки завеща-
ние, помахал им над столом. – Миссис Элис Драблоу из по-
мestia Ил Марш. Видите ли, она умерла.

– Ах вот оно как.

– Я унаследовал дело Элис Драблоу от моего отца. Их се-
мья вела дела с нашей фирмой лет эдак... ох... – Он махнул
рукой в сторону туманного прошлого века, когда и была ос-
нована фирма «Бентли, Хэй, Свитман и Бентли».

– Правда?

– Да, она прожила долгую жизнь. – Он снова взмахнул
завещанием. – Ей было восемьдесят семь лет.

– И как я понимаю, сейчас у вас в руках ее завещание?

– Миссис Драблоу. – Он немного повысил голос и про-

---

³ Судебные инны – здания, в которых располагаются юридические корпорации
Англии.

игнорировал мой вопрос, нарушавший ход его повествования. – Миссис Драблбу была, как говорится, с чудинойкой.

Я кивнул. За пять лет работы в фирме я усвоил, что львиная доля старых клиентов мистера Бентли была, по его собственному выражению, «с чудинойкой».

– Вы когда-нибудь слышали о насыпной дороге Девять жизней?

– Нет, никогда.

– И вам ничего не известно про Ил Марш в...шире?

– Нет, сэр.

– Значит, как я полагаю, вы не бывали в том графстве?

– Боюсь, что нет.

– Живя там, – задумчиво проговорил мистер Бентли, – любой станет чудачком.

– Я лишь имею смутное представление о том, где это находится.

– Как бы то ни было, мой мальчик, ступайте сейчас же домой и соберите вещи. Сегодня днем вы должны сесть на поезд на вокзале Кингс-Кросс, сделать пересадку в Кру, а потом еще одну – в Хомерби. От Хомерби вы поедете по железной дороге до маленького торгового городка Кризин-Гиффорд. После этого вам придется дожидаться, когда закончится прилив.

– Прилив?

– Да, дорогой Девять жизней можно воспользоваться только во время отлива. По ней вы и доберетесь до особняка

Ил Марш.

– Который принадлежал миссис Драблосу?

– Когда вода поднимется, вы окажетесь отрезаны от внешнего мира, и вам придется снова ждать отлива. Удивительное место. – Он встал и подошел к окну. – Разумеется, прошло уже много лет с тех пор, как я бывал в тех краях. Отец возил меня туда. Она не отличалась особым гостеприимством.

– Миссис Драблос была вдовой?

– Да, и овдовела довольно рано.

– У нее остались дети?

– Дети...

Мистер Бентли на какое-то время замолчал и стал водить пальцем по оконному стеклу, словно пытаясь стереть сумрак за окном, но туман по-прежнему висел в воздухе: серо-желтый и невероятно густой, так что свет в окнах Судебных иннов был едва виден. Зазвонил церковный колокол. Мистер Бентли обернулся.

– Насколько нам известно, – осторожно сказал он, – у миссис Драблос не было детей. Нет, точно не было.

– Она оставила после себя большое состояние или обширные земельные угодья? Ее дело можно назвать сложным?

– В общем-то, нет, Артур, в общем-то, нет. Разумеется, она владела домом и кое-какой собственностью в Кризин-Гиффорде: лавки, доходный дом и ферма, правда она находится в довольно жалком состоянии и наполовину затоплена. Миссис Драблос выделяла деньги на строительство

двух дамб в этих местах, но не сказать чтобы она была особенно одержима этой затеей. И конечно, она имела немного акций и облигаций.

— Значит, все будет довольно просто.

— Несомненно, а почему бы нет?

— Можно поинтересоваться, зачем мне ехать туда?

— Представлять нашу фирму на похоронах клиента.

— Ну да, конечно.

— Сначала, само собой разумеется, я думал поехать сам.

Но, честно говоря, в последнюю неделю меня сильно беспокоила моя нога.

Мистер Бентли страдал от подагры, но никогда не произносил этого слова вслух, хотя у него не было никаких причин стыдиться своей болезни, ибо он слыл человеком на редкость воздержанным.

— К тому же не исключено, что лорд Болтроп захочет видеть меня. Поэтому, как вы понимаете, я должен остаться.

— Да, безусловно.

— И потом... — он сделал паузу, — ...мне кажется, настал подходящий момент переложить часть моих обязанностей на ваши плечи. Вы ведь справитесь с ними?

— Я очень на это надеюсь. И я, конечно, буду рад присутствовать на похоронах миссис Драбллу.

— Есть и еще кое-что, имеющее отношение к этому делу.

— Завещание?

— Да, нужно будет уладить кое-какие дела, связанные с до-

мом. Я подробно обо всем написал, и в дороге вы сможете ознакомиться с деталями. Но главное, вы должны будете изучить документы миссис Драбл, ее личные бумаги... какими бы они ни были. И где бы ни находились... – Мистер Бентли крикнул. – А потом привезти их сюда, ко мне в контору.

– Понятно.

– Миссис Драбл была человеком очень... неорганизованным, если можно так выразиться. Поэтому вам придется потратить на это некоторое время.

– Пару дней?

– Это в лучшем случае, Артур. Разумеется, все может оказаться иначе, не исключено, что я заблуждаюсь... в доме царит абсолютный порядок, и вы управитесь за один день. Я же сказал, что уже много лет не бывал там.

Дело принимало неожиданный оборот и напоминало теперь какой-то викторианский роман, где старая леди, долгое время проживавшая в уединении, хранила документы, которые были спрятаны в недрах ее заваленного ветошью дома. Я едва ли принял слова мистера Бентли всерьез.

– Мне кто-нибудь поможет?

– Основная часть имущества отходит по завещанию внучатой племяннице и племяннику... но они оба сейчас в Индии, где живут уже более сорока лет. Еще, кажется, имелась экономка... но подробнее вы узнаете обо всем на месте.

– У нее наверняка были друзья... или соседи?

– Особняк Ил Марш расположен очень уединенно.

– А друзей ей завести не удалось, поскольку она была чу-
даковатой особой?

Мистер Бентли усмехнулся:

– Да ладно вам, Артур, ищите во всем положительные сто-
роны. Отнеситесь к этой поездке как к увеселительной про-
гулке.

Я встал.

– По крайней мере, вы хотя бы на пару дней избавитесь от
этого. – Он махнул рукой в сторону окна.

Я кивнул. В действительности я не имел ничего против
этой поездки, хотя и видел, как мистер Бентли не сдержал-
ся и слегка приукрасил свою историю, добавив немного дра-
матизма в тайну миссис Драбллу, которая жила в своем ста-
ром доме со скрипучими половицами. Я предполагал, что
дом окажется всего-навсего холодным и неудобным, к тому
же до него будет трудно добраться; похороны будут печаль-
ными и унылыми; а бумаги, которые мне предстояло найти,
обнаружатся на чердаке под кроватью в покрытой толстым
слоем пыли коробке из-под обуви, где будут сложены старые
расписки и черновики писем, написанных различным адре-
сатам, – именно такие бумаги обычно мы находили у клиен-
тов-женщин. Я уже подошел к двери, когда мистер Бентли
добавил:

– Вы доберетесь до Кризин-Гиффорда сегодня поздно ве-
чером, там есть маленький отель, где можно остановиться.

Похороны назначены на завтра, на одиннадцать часов.

— А после этого я должен поехать в тот дом?

— Я уже обо всем договорился... у меня там есть знакомый среди местных жителей... он свяжется с вами.

— Да, но...

В этот момент Тоумс неожиданно возник у меня за спиной и засопел мне в плечо:

— Мистер Бентли, пришел клиент, которому была назначена встреча в десять тридцать.

— Хорошо, проводите его.

— Подождите, мистер Бентли...

— В чем дело, Артур? Что вы там маячите в дверях, дружище? Мне нужно работать.

— Разве вы ничего больше не хотели сказать мне? Я...

Он нетерпеливо махнул рукой; в этот момент снова появился Тоумс в сопровождении клиента, которому было назначено на десять тридцать. Я покинул кабинет.

Мне еще предстояло разобрать рабочий стол, вернуться в свою квартиру, упаковать вещи, сообщить квартирной хозяйке о своем отсутствии в течение пары ночей и написать письмо моей невесте Стелле. Я очень надеялся, что ее огорчение, связанное с моим неожиданным отъездом, смягчится чувством гордости. Ведь теперь мистер Бентли стал доверять мне ведение дел фирмы, а это было хорошим знаком и открывало прекрасные перспективы, от которых зависела наша свадьба, запланированная на следующий год.

После этого в тот же день я должен был сесть на поезд и отправиться в отдаленную часть Англии, о которой еще несколько минут назад даже не слышал. Когда я выходил из конторы, Тоумс отодвинул стекло в своей каморке и протянул мне толстый коричневый конверт с надписью «Драблоу». Сжимая его в руке, я вышел навстречу удушающему лондонскому туману.

Путешествие на север

Как правильно заметил мистер Бентли, каким бы длинным ни было расстояние и какой бы печальной ни казалась цель моего путешествия, они избавляли меня от лондонского тумана, а скорая возможность увидеть огромные своды вокзала, светящиеся, словно гигантская кузница, неизменно поднимала мне настроение. Здесь повсюду слышался лязг металла, и меня невольно охватывало радостное волнение перед отъездом. В книжной лавке я купил себе газет и журналов и легкой походкой направился вдоль платформы мимо дымящего и пытящего поезда. Поезд, насколько я помню, назывался «Сэр Бедивер»⁴.

Я занял место в углу пустого купе, положил пальто, шляпу и мой багаж на полку и удобно устроился, почувствовав полное удовлетворение. Когда поезд выехал из Лондона, туман все еще висел над предместьями, но постепенно стал бледнеть и рассеиваться, что не могло не обрадовать меня. К этому времени в купе вошли еще два пассажира, но мы лишь обменялись легкими кивками, после чего они последовали моему примеру и погрузились в чтение газет и документов. Так, без приключений, мы ехали милю за милей, направляясь в самое сердце Англии. За окнами быстро стемнело, а ко-

---

⁴ *Сэр Бедивер* – один из рыцарей Круглого стола из легенд о короле Артуре.

гда мы задвинули шторы, наше купе стало напоминать уютный кабинет, освещенный светом лампы и отгороженный от остального мира.

В Кру я без особых затруднений пересел на другой поезд и продолжил путешествие. Я обратил внимание, что дорога начала сворачивать на северо-восток, а вскоре после этого с удовольствием пообедал. Однако, когда мне снова пришлось сделать пересадку на маленькой станции под названием Хомерби, погодные условия изменились в нелучшую сторону: сильно похолодало, а с востока задул резкий ветер, принесший с собой морозящий дождь. К тому же в поезде, где мне предстояло провести последний час моего пути, были старые неудобные купе с сиденьями, обтянутыми невероятно жесткой кожей и набитыми твердым конским волосом, и с полками для багажа, сколоченными из мелких деревянных перекладин.

До последней секунды мне казалось, что я буду ехать один не только в купе, но и во всем поезде. Однако, как только раздался свисток дежурного по станции, какой-то мужчина вышел на платформу, посмотрел на унылые ряды пустых вагонов, наконец увидел меня и, явно предпочитая ехать в чьем-то обществе, забрался в мой вагон, захлопнув за собой дверь в тот момент, когда поезд тронулся. Облако холодного сырого воздуха, ворвавшееся вместе с незнакомцем, выстудило и без того неуютное купе. Вошедший стал расстегивать пуговицы на своем пальто, а я вслух заметил, что вечер выдался

отвратительным. Он окинул меня с головы до ног пристальным, но отнюдь не враждебным взглядом, затем посмотрел на мои вещи, лежавшие на полке, и лишь после этого кивком поприветствовал меня.

– Кажется, я променял одну мерзкую погоду на другую. Я выехал из Лондона в ужасный туман, а здесь так холодно, что того и гляди пойдет снег.

– Снега не будет, – заверил он меня. – К утру ветер стихнет и унесет дождь с собой.

– Рад слышать об этом.

– Но если вы надеетесь спастись здесь от тумана, то сильно заблуждаетесь. В этих краях туманы частые гости.

– Неужели?

– Да. Их приносит с моря. И некоторое время они висят над болотами. Такова особенность этих мест. Сначала все ясно, как в солнечный июньский день, а потом... – Он сделал выразительный жест, подчеркивая неожиданность появления тумана. – Полный мрак. Но если вы собираетесь остановиться в Кризине, то вряд ли увидите нечто подобное.

– Я останусь в городе на одну ночь, в гостинице «Гиффорд армс». А завтра утром думаю поехать на болота.

Затем, не желая обсуждать с ним подробности моего дела, я снова взял в руки газету и демонстративно развернул ее. Некоторое время мы тряслись в этом дрянном поезде в полной тишине, нарушаемой лишь пыхтением паровоза, стуком металлических колес о рельсы, редкими свистками и ярост-

ными атаками дождя, бившего в окна, словно артиллерийский огонь.

Я почувствовал усталость из-за долгого переезда, холода и постоянного пребывания в сидячем положении в трясущемся и дергающемся поезде и с нетерпением ожидал, когда окажусь у теплого очага, поужинаю и наконец-то лягу спать. Я продолжал скрываться за страницами газеты, хотя уже полностью прочитал ее и поэтому принялся украдкой изучать моего попутчика. Это был довольно крупный мужчина с мясистым лицом и огромными грубыми ручищами. Его правильную речь портил легкий акцент, который я принял за местный диалект. Я предположил, что это фермер или владелец какого-нибудь небольшого дела. На вид моему попутчику было лет пятьдесят или даже шестьдесят, его костюм из хорошей ткани имел довольно безвкусный фасон, а на левой руке он носил тяжелый, толстый перстень с печаткой, который выглядел модной, но несколько вульгарной деталью, дополнявшей его образ. Я подумал, что он сравнительно недавно заработал или каким-то образом получил крупное состояние и теперь хотел поделиться своей удачей с окружающим миром.

С юношеским самодовольством я вынес своему попутчику вердикт, после чего перестал думать о нем и мысленно вернулся в Лондон к Стелле. Я вновь ощутил боль в затекшем теле и холод в вагоне, лишь когда попутчик неожиданно проговорил вслух: «Миссис Драблough». Я опустил газету

и вдруг понял, что эти два слова эхом разнеслись по пустому купе, так как поезд остановился и единственными звуками, доносившимися до меня, стали завывание ветра и едва слышное шипение пара где-то далеко впереди.

— Драблону. — Он указал на мой коричневый конверт, в котором находились бумаги, касавшиеся дела Драблону. Я положил его на сиденье рядом с собой.

Я надменно кивнул.

— Только не говорите, что вы ее родственник.

— Я ее поверенный, — уточнил я, наслаждаясь звучанием этих слов.

— Так вы едете на похороны?

— Совершенно верно.

— Кроме вас, там, наверное, почти никого не будет.

Неожиданно мне захотелось побольше разузнать об этом деле, тем более что мой попутчик явно располагал некоторыми сведениями.

— Насколько мне известно, у нее не было друзей и близких родственников и она вела довольно замкнутый образ жизни? Что ж, иногда это случается с пожилыми людьми. Они замыкаются в себе и делаются немного эксцентричными. Думаю, это все от одиночества.

— Полагаю, именно так дело и обстояло. Мистер?..

— Киппс. Артур Киппс.

— Сэмюэль Дейли.

Мы кивнули друг другу.

– А когда живешь в одиночестве, да еще в таком месте, это случается намного быстрее.

– Послушайте, – с улыбкой сказал я, – вы же не собираетесь рассказать мне сейчас одну из тех странных историй о старых, заброшенных домах?

Он смерил меня пристальным взглядом.

– Нет, – сказал он наконец, – не собираюсь.

Неожиданно я вздрогнул, вероятно, меня смутила его прямолинейность и пронизывающий взгляд.

– Что ж, – наконец проговорил я, – могу лишь посочувствовать человеку, дожившему до восьмидесяти семи лет, который не смеет надеяться, что на его похороны придут хотя бы несколько милых и близких его сердцу людей.

С этими словами я протер ладонью стекло, пытаюсь хоть что-нибудь рассмотреть в темноте за окном. Вероятно, мы остановились посреди равнины, и воющий ветер со всей силой обрушивался на нас.

– Вы не знаете, сколько нам еще ехать? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос не выдал охватившую меня тревогу.

У меня возникло неприятное ощущение, будто мы оказались отрезанными от мира, вдали от жилых домов, запертые в холодном склепе железнодорожного вагона с испаранным зеркалом и заляпанной обшивкой из темного дерева. Мистер Дейли посмотрел на часы.

– Еще двадцать миль, нас остановили около туннеля Гейпмос, чтобы пропустить встречный поезд. Туннель проходит

через холм, и это последняя возвышенность в здешних краях. Вы направляетесь в равнинную местность, мистер Киппс.

– И в этих местах дают очень странные названия. Сегодня утром я слышал о насыпной дороге, которая называется Де-вять жизней, и об особняке Ил Марш⁵, а сейчас узнал о туннеле Гейпмос⁶.

– Это удаленная часть страны. К нам редко забредают гости.

– Вероятно, здесь особенно не на что смотреть?

– Важно, что вы подразумеваете под фразой «не на что». Некоторые церквушки и даже целые деревни у нас поглотило приливом. – Он усмехнулся. – И вам точно не удастся на них посмотреть. Но есть и развалины аббатства с красивым кладбищем – вы сможете добраться до них, когда начнется отлив. Уверен, этого будет вполне достаточно, чтобы поразить ваше воображение.

– После вашего рассказа мне захотелось поскорее вернуться к лондонскому туману!

В этот момент раздался пронзительный свисток паровоза.

– А вот и встречный поезд.

Поезд, который шел из Кризин-Гиффорда в Хомерби, вынырнул из туннеля Гейпмос и прогрохотал мимо нас – непрерывная линия светящихся желтых окон купе исчезла в темноте. Почти сразу после этого мы тронулись в путь.

---

⁵ *Ил Марш* – от *англ.* eel marsh, *букв.* «болотный угорь».

⁶ *Гейпмос* – от *англ.* garemouth, *букв.* «широко разинутый рот».

– Но вы убедитесь, что Кризин – довольно гостеприимное место. Это простой, милый городок. Мы живем, подставив спины ветру, и просто делаем свое дело. Если вы не возражаете, я мог бы подвезти вас до «Гиффорд армс» – меня ждет автомобиль, и нам по пути.

Мне показалось, он хочет приободрить меня, а его насмешливость и склонность к преувеличениям вызваны желанием немного компенсировать мрачность и диковатость окружавших нас мест. Я поблагодарил мистера Дейли и принял его предложение. После этого мы вновь вернулись к чтению, за которым и провели последние мили нашего утомительного путешествия.

Похороны миссис Драблоу

Мое первое впечатление от маленького торгового города под названием Кризин-Гиффорд, который в действительности показался мне чуть больше какой-нибудь крупной деревни, было довольно приятным. Когда мы прибыли ночью на вокзал, машина Сэмюэля Дейли, блестящая, на редкость удобная и вместительная, в мгновение ока преодолела милю, отделявшую крошечную станцию от городской площади, и мы остановились около отеля «Гиффордс армс».

Пока я выходил из салона, мистер Дейли протянул мне свою визитную карточку.

– Если вам что-нибудь понадобится...

Я поблагодарил его, но при этом подчеркнул, что мне вряд ли придется обращаться к нему, поскольку всю помощь, касающуюся дел покойной миссис Драблоу, я намеревался получить у местного агента и не собирался задерживаться в этом месте более чем на два дня. Мистер Дейли смерил меня долгим, пристальным взглядом, но ничего не сказал. Чтобы не показаться невежливым, я осторожно засунул карточку в карман жилета. Лишь после этого он отдал распоряжение своему шоферу и уехал.

«Вы убедитесь, что Кризин – довольно гостеприимное место», – сказал он мне ранее и оказался прав. Как только моему взору открылся полыхающий камин и широкое кресло

подле него в общем зале гостиницы, а потом еще один камин, ожидавший меня в уютно обставленной спальне на верхнем этаже, я тут же воспрял духом и почувствовал себя скорее отдыхающим, нежели человеком, который прибыл сюда, чтобы присутствовать на похоронах и заниматься таким тоскливым делом, как улаживание всех формальностей после смерти клиента. Ветер либо стих, либо я просто не слышал его, обретая надежное укрытие в стенах дома, стоявшего на рыночной площади. От неприятного чувства, возникшего у меня после беседы с мистером Дейли, которая приняла слишком уж странный оборот, не осталось и следа.

Хозяин гостиницы предложил мне стакан горячего вина с пряностями, и я выпил, сидя у камина и слушая журчание голосов по другую сторону от тяжелой двери, за которой находился бар. А когда я побеседовал с женой хозяина, у меня потекли слюнки в предвкушении ужина, который она мне предложила: мясной бульон, говяжье филе, пирог с яблоками, изюмом и кремом и стилтонский сыр. В ожидании обеда я написал короткое письмо Стелле, чтобы отправить на следующее утро. С удовольствием поглощая еду, я размышлял о том, какой домик мы сможем купить после свадьбы, если мистер Бентли и впредь будет возлагать на меня обязанности, связанные с делами фирмы, и я смогу попросить у него прибавки.

Наконец, опустошив за ужином полбутылки кларета, я уже приготовился отойти ко сну в уютной атмосфере спо-

койствия и благополучия.

– Сэр, как я понимаю, вы приехали на аукцион? – Хозяин появился в дверях, чтобы пожелать мне спокойной ночи.

– Аукцион?

Он удивился:

– Да... я подумал, что вы за этим сюда и приехали... будет большой аукцион, продают несколько ферм к югу от города. Торги назначены на завтра.

– А где проводится аукцион?

– Здесь, мистер Киппс, в баре, в одиннадцать утра. Обычно мы устраивали аукцион прямо в гостинице, но такого крупного не было уже много лет. После аукциона мы устраиваем ланч. Как правило, в разгар торгового дня у нас обедает до сорока человек, но завтра народу будет больше.

– Очень сожалею, но мне придется пропустить аукцион... хотя я надеюсь, мне удастся прогуляться по рынку.

– Вы только не сочтите меня излишне любопытным, сэр... я действительно думал, что вы приехали на аукцион.

– Все хорошо... вы сделали вполне закономерное предположение. Но боюсь, завтра утром, в одиннадцать часов, мне придется заниматься более грустным делом. Я приехал, чтобы присутствовать на похоронах миссис Драблough из поместья Ил Марш. Возможно, вы знали ее?

Его лицо исказилось... но я не понял, какие чувства он испытывал. Что это было – тревога или подозрение, я не мог сказать, но заметил, имя покойной пробудило в нем сильные

чувства, которые он всеми силами старался сдержать.

— Да, я знал ее, — сказал он бесстрастным тоном.

— Я представляю юридическую фирму, услугами которой она пользовалась. Мне не довелось встречаться с ней лично. Как я понимаю, она вела затворнический образ жизни?

— Учитывая место ее проживания, в этом нет ничего удивительного. — Он резко повернулся и направился в сторону бара. — Желаю вам спокойной ночи, сэр. — С этими словами он оставил меня одного.

Движимый любопытством и немного возмущенный резкими манерами хозяина, я собрался было окликнуть его, ибо мне хотелось выяснить, что именно он имел в виду. Но я слишком устал и потому отказался от своего намерения, решив, что его замечание было продиктовано местными легендами и глупыми сплетнями, которые раздуваются до небывалых размеров в маленьких, замкнутых общинах, где люди во всем стремятся отыскать тайну и драму. Признаюсь, в те дни я еще разделял свойственное многим лондонцам пренебрежение по отношению к людям, жившим в отдаленных частях нашего острова и казавшимся нам, космополитам, созданиями суеверными, доверчивыми, примитивными, прямолинейными и глуповатыми. Без сомнения, в подобном месте, с его зловещими болотами, неожиданно возникающими туманами, ледяным завывающим ветром и одинокими домами, бедная старушка могла вызвать подозрения. Со временем ее бы непременно окрестили ведьмой, поскольку леген-

ды и сказания все еще передавались здесь из уст в уста, а люди в глубине души продолжали верить в этот диковинный фольклор.

Должен признать, что и мистер Дейли, и хозяин гостиницы производили впечатление мужчин крепких и здравомыслящих, но даже они замолчали и посмотрели на меня странным, пристальным взглядом, когда я заговорил о миссис Драблouis. Тем не менее у меня не оставалось сомнения, что нечто важное так и не было сказано.

Однако тем вечером мой желудок был наполнен вкусной едой, прекрасное вино вызывало теплое чувство дремоты, а вид уютно потрескивающего пламени и покрывала, заманчиво откинутого на удобной, мягкой постели, будили во мне самые приятные ощущения. Все случившееся показалось мне просто забавным и добавило некоторой остроты и местного колорита моему путешествию. В скором времени я забылся спокойным сном. И до сих пор помню, как проваливался в бездну, в радушные объятия сна, а что-то теплое и мягкое окружало меня, и я чувствовал себя счастливым и защищенным, как маленький ребенок в своей детской кроватке. Помню, как утром я открыл глаза и увидел луч холодного зимнего солнца, играющего на сводчатом белом потолке, и во всем моем теле и в душе возникло радостное чувство легкости и обновления. Возможно, я так ярко запомнил эти ощущения, поскольку они явились контрастом случившемуся после. Если бы я знал, что в последний раз спал так крепко и на смену

этой спокойной ночи придут другие – страшные, мучительные и изнуряющие, то, вероятно, не стал бы высказывать из кровати с таким горячим желанием поскорее позавтракать и шагнуть навстречу новому дню.

В самом деле, даже теперь, на склоне лет, когда я тихо и счастливо живу в поместье Монкс вместе с моей дорогой женой Эми, с женщиной, о которой может мечтать любой мужчина, и каждую ночь благодарю Бога, что все закончилось, осталось в прошлом и уже не вернется, я все же не верю, будто смогу когда-нибудь спать так же безмятежно, как в той гостинице в Кризин-Гиффорде. Я понимаю, тогда моя душа была еще чиста, и чистота эта навеки утрачена.

Когда я отдернул цветастую штору, комнату наполнил яркий солнечный свет, и он совсем не был похож на неуловимого посетителя, который является рано утром, а потом бесследно исчезает. Как и предсказал мистер Дейли, погода действительно изменилась, и она разительным образом отличалась и от лондонского тумана, и от ветра с дождем, которые сопровождали меня весь прошлый вечер во время поездки.

Хотя на дворе стояло начало ноября и я находился в той части Англии, где погода всегда отличалась суровостью, когда я вышел из гостиницы «Гиффорд армс» после необычайно вкусного и отменно приготовленного завтрака, я нашел, что воздух был свеж, бодрящ и чист, а небо – лазорево-голубым. Почти все дома в этом маленьком городе были невысокими простыми строениями из камня с крышами, покрыты-

ми серым шифером; они стояли, плотно прижавшись и глядя друг на друга своими окнами. Я немного побродил по городу, изучая его: многочисленные прямые и узкие улочки расходились во все стороны от небольшой рыночной площади, где располагалась гостиница. Теперь вся площадь была заполнена палатками и загонами для скота, повозками, телегами и прицепами. Подготовка к торговому дню шла полным ходом. Отовсюду слышались крики, люди переговаривались друг с другом, сколачивали временные ограждения, натягивали тенты над палатками, толкали тележки по вымощенной булыжником мостовой. Вокруг царила радостная, деловая суeta, мне это было по душе, и я с большим удовольствием прогуливался между ними. Но когда я повернулся спиной к торговой площади и ступил на одну из улочек, все вдруг стихло, и теперь, проходя мимо тихих домов, я слышал лишь топот моих ног о мостовую. Дорога оказалась совершенно плоской – ни одного спуска или подъема. Кризин-Гиффорд располагался на равнинной земле, и, дойдя до конца улицы, я вдруг обнаружил, что нахожусь уже за городом, передо мной открылось бескрайнее поле, тянувшееся до бледного неба на горизонте. В тот момент я понял, что имел в виду мистер Дейли, когда говорил, будто город стоит, подставив спину ветру. С того места, где я остановился, были видны лишь задние стороны домов и магазинов, а также основных общественных зданий, возвышавшихся над площадью.

Осеннее солнце оставалось еще теплым, и я заметил на

редких деревьях, оказавшихся в поле моего зрения и слегка прогибавшихся под ни на минуту не стихавшим ветром, красновато-коричневые и золотые листья, которые дрожали на концах ветвей. Я тут же представил себе, каким унылым, серым и безликим выглядит это место в промозглую погоду, в дождь и туман; каким разгромленным и опустошенным бывает оно после штормов, налетающих на равнину; и как после снежных бурь оно оказывается полностью отрезанным от окружающего мира. В то утро я снова взглянул на Кризин-Гиффорд на карте. К северу, югу и западу на многие мили простирались пахотные земли. До Хомерби, ближайшего населенного пункта, было около двенадцати миль, тридцать миль отделяло Кризин от крупного города на юге, и около семи – от ближайшей деревни. На востоке тянулись болота, за ними – дельта реки и море. Я понимал, что не задержусь здесь больше чем на пару дней, но, направляясь назад к рынку, я почувствовал себя здесь как дома, это место внушало мне чувство уверенности, солнечные лучи бодрили, а окружающий пейзаж приводил в восхищение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.